

«Не жалею, не зову, не плачу, / Всё пройдёт, как с белых яблонь дым» [1, с. 118] — в данном примере мы видим, что одорическая лексема представлена словом «дым». В словаре Д. Н. Ушакова даётся следующее толкование этого понятия: «Дым — летучие продукты горения с мелкими летящими частицами угля» [4, с. 185]. Отметим и переносное значение этой лексемы: дым — это что-то быстроисчезающее, призрачное. Из вышесказанного сделаем вывод о том, что *дым белых яблонь* обозначает быстроту отцветания. Таким образом, метафорически дым обозначает быстротечность человеческой жизни.

«В роще чудились *запахи ладана*, в ветре бластились стуки костей» [1, с. 152] — в переносном значении слово «ладан» трактуется как «умирать, быть еле живым». Поэтому запах ладана, который используется во время церковных служений, ассоциируется со смертью. Запах и стуки костей предвещают отчаянные вести. Отсюда и чувство тревоги. Связано это с тем, что происходившие в 1920-е годы преобразования деревни были восприняты поэтом трагически. Отсюда тревожные раздумья С. А. Есенина о будущем крестьянской Руси — противоречивые, мучительные. Поэт не раз с грустью называл себя «последним поэтом деревни».

Заключение. Одорическая образность используется в стихах Есенина как изобразительно-выразительное средство. В лирике С. А. Есенина преобладают сравнения и метафоры, раскрывающие жизнь природы в её естественном многообразии. В лексемах широко представлены образы запахов, входящие в структуру метафорического уподобления или в структуру сравнения. Одорические образы в поэзии Есенина — это, кроме того, и субъективные впечатления лирического «Я», а именно символы. Стихотворения С. А. Есенина — это запечатлённое в памяти мгновение жизни, представленное как совокупность человеческих ощущений, где запах — символ родного домашнего очага, знак крестьянского благополучия.

Список цитируемых источников

1. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин. — Минск : Маст. лит., 1992. — Т. 1. Стихотворения. Поэмы. — 480 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы : сл. рус. культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Академ. проект, 2004. — 386 с.
3. Фенчук, О. Н. Структура и функции памяти в поэзии И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. Н. Фенчук ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2012. — 22 с.
4. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков — М. : АСТ, 2004. — 1268 с.

УДК 82.09(470)

Х. М. Джафарова

Азербайджанский государственный педагогический университет, Баку, Азербайджан

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»)

Введение. Особое место в стилистике занимает художественный стиль, язык произведений художественной литературы. Писатели и поэты для достижения большей выразительности своих произведений, для достоверности и убедительности создаваемых картин человеческой жизни используют все богатство лексических средств языка. Поэтому в ткань художественного произведения наряду с общелитературными словами могут иногда включаться и слова, употребляемые лишь жителями определенной местности, — диалектизмы (например: гулеванить — бушевать, захолонуть — охладеть, покуль — пока, займоваться — связываться и т. д.).

Диалектные слова находятся за пределами литературного языка, употребление их в устной и письменной речи вместо общелитературных слов нарушает установленные нормы и недопустимо. Однако в языке художественной литературы диалектизмы обычно используются с особыми стилистическими целями: автор стремится дать более выразительную речевую характеристику героя, вызвать у читателя более яркие представления о том месте, где развивается действие. Так, умелым использованием диалектизмов отличается яркий и самобытный язык Валентина Распутина.

Говоря о творчестве В. Распутина, мы, прежде всего, должны заметить, что он — признанный мастер прозы. Ключевой в его творчестве является простая, обыденная речь героев, через которую писатель выявляет отношение персонажей к окружающему миру. Диалектная речь в произведениях писателя принадлежит старухам и характеризует их глубоко укоренённую в деревенской жизни философию. Просторечие принадлежит людям, которые доживают свой век в умирающей деревне, и характеризует их потерянность перед безвременьем — в нем они надсадились душой от непонимания и праздности. Городской язык, сотканный из канцеляризмов и разговорных словечек, принадлежит переселившимся в город ребятам. Он характеризует их беспутное состояние, связанное с постоянными переездами.

Основная часть. Язык произведений В. Распутина сразу обращает на себя внимание при знакомстве с его творчеством. В современной критической литературе неоднократно подчеркивалось противопоставление языка писателя языку нормированному. В. Распутин с настоящей страстью упрямо сопротивляется унифицированной литературной речи. В «Книге одной жизни» В. Курбатов говорит: «Распутин воскрешает язык просторечной Сибири, беспокоится о сохранении биосферы языка, каждое диалектное слово у него — хранитель опыта, отражение древнего пути народа. Попробуем исключить из распутинского текста все необычные и необщепринятые обороты речи и слова, и этот текст поблекнет, перестанет существовать». Ему вторит Н. Н. Яновский: «Ведь стоит только представить, что было бы с языком Распутина, если исключить эту смелость обращения со словом, эту яркость — какие тогда возникли бы потери?!»

В проекте «Кто есть кто в современной культуре» среди 200 выдающихся деятелей современности есть страница, посвященная В. Г. Распутину. На ней отмечено, что язык его произведений «словно речка струится, изобилуя чудными по звучанию словами: “Что ни строчка — кладезь русской словесности, речевые кружева”. Случись так, что до потомков в следующих веках дойдут только произведения Распутина, они будут восхищены богатством русского языка, его мощью и неповторимостью» [3].

«Мощь и неповторимость» языка В. Г. Распутина отметил при вручении премии своего имени 4 мая 2000 года А. И. Солженицын, сказав, что «органичнее черты» творчества В. Распутина «существуют как бы не сами по себе, а в безраздельном слитии с русской природой и с русским языком», что В. Распутин «не пользователь языка», а его «живая непроизвольная струя», потому что он «не ищет слов, не подбирает их — он льется с ними в одном потоке» [4, с. 188—189].

Да, безусловно, Валентин Григорьевич где-то воскрешает забытое, но в основном передает живую народно-разговорную сибирскую речь. И вносит что-то свое. И слова у В. Распутина не отобраны по словарю В. И. Даля, а живые, сибирские, впитанные из жизни.

У В. Распутина диалектные слова вводятся на равных правах с литературными, они сплетаются как разные нити в единой ткани. В этом отражается нерасторжимая связь автора с его героями — людьми его родного края, о судьбах которых он пишет.

Использованные автором диалектизмы делают произведение более реальным, помогают раскрыть идейное содержание и показывают, что все, что там написано, не вымысел, а действительность. Чтобы писать о том, чего никогда не было, литературный язык хорош, но чтобы писать о реальных простых людях и об их жизни, необходим их же язык — реальный и простой. Читая распутинские повести, ощущаешь, что находишься где-то рядом с его героями, говоришь с ними на их языке и ощущаешь их настроение. Эти ощущения передает именно язык, полный самобытности и жизни. Вот так диалектизмы приходят на помощь писателю, который хочет захватить сердце и душу читателя, который хочет показать, насколько многогранен и ярк его родной язык.

Широта и богатство идейного содержания, глубокое авторское проникновение в мир персонажей, яркий и точный язык повествования позволяют видеть в произведениях автора материал для конкретного изучения диалектных особенностей языка художественного произведения.

Наше исследование посвящено классификации, а также сопоставительному изучению способов передачи диалектизмов на азербайджанский язык на материале повести В. Г. Распутина «Последний срок». В данном произведении автор воссоздает картину крестьянской жизни, раскрывает тему духовного и нравственного падения человека. Диалектизмы играют в произведении значительную роль, ведь они, будучи так называемыми историческими маркерами, переносят читателя в описываемую эпоху, помещают его в среду, в которой развиваются события повести.

Приведенные нами примеры являются свидетельством проявления особого внимания писателя к языковому плану повести. Они не только позволяют избежать повторов в речи повествователя, но и порой придают ей возвышенную тональность, а порой смягчают заданное темой произведения ощущение безысходности изображаемого. Используя богатство и выразительность языка старожилов сибирской деревни, дифференцируя их речь и насыщая ее диалектизмами и народными изречениями, писателю удалось воскресить на страницах повести забытую литературой предыдущего периода живую речь русской деревни и достичь той достоверности и убедительности, к которым в своем творчестве стремились многие писатели-«деревенщики».

На примере повести В. Г. Распутина «Последний срок» попытаемся показать особенности русского сибирского менталитета, который связан с такой категорией художественных произведений, как народность, и проследить, удалось ли переводчику произведений В. Г. Распутина Видади Бабанлы передать национально-культурную специфику значения русской диалектной лексики.

Анализ перевода произведения В. Распутина «Последний срок» на азербайджанский язык показывает, что переводчик широко применяет различные приемы передачи диалектизмов, такие как транслитерация, описание, приближительный и контекстуальный переводы.

Например:

– повадилась, как хорек в курятник.

Оригинал: «Получилось так оттого, что сначала к ним в семью, как хорек в курятник, повадилась ходить смерть...» [1, с. 123].

Перевод: «Çünkü ölüm onun ailəsini toyuqları hində çömələn azarı tapan kimi gəlib tapmışdı, əl çəkmirdi» [2, səh. 4];

- Егорке всегда отговорки.
Оригинал: «— У Егорки всегда отговорки» [1, с. 128].
Перевод: «Bilirik, bilirik. Mütləq bir bəhanə tapırsız» [2, səh. 9];
- завела свою гармонию;
Оригинал: «Завела свою гармонию» [1, с. 136].
Перевод: «Bir buna bax, heç nədən ələmi götürüb başına!» [2, səh. 17];
- и хочется и колется, где найдешь, где потеряешь;
Оригинал: «И хочется и колется, никто не знает, где найдешь, где потеряешь» [1, с. 137].
Перевод: «Belə də istəyirsən olmur, elə də. Qalırsan neylim-necelimdə. Heç kəs yəqin bilmir ki, harda qazanar, harda itirər» [2, səh. 18];
- ей тут ни холеры не будет;
Оригинал: «Пускай стоит, ей тут ни холеры не будет» [1, с. 144].
Перевод: «Qoy dursun özün üçün orda, dəyin tođunan olmaz» [2, səh. 25];
- Думал, па-е-ехали, Анна Степанна, на новую фатеру. Па-е-ехали с орехами.
Оригинал: «Думал, па-е-ехали, Анна Степанна, на новую фатеру. Па-е-ехали с орехами» [1, с. 152].
Перевод: «Güman elədim ki, getdi, get-di öz yerinə, Anna Stepanna. Sən demə, aldanmışam...» [2, səh. 33];
- обманула его, назад повернула, а теперь над им же и изголяюсь, кашу в его толкаю (о животе);
Оригинал: «...омманула его, назад повернула, а теперь над им же и изголяюсь, кашу в его толкаю» [1, с. 152].
Перевод: «...onu kələklədim, qayıdıb geri gəldim. Sıyığımı onun qabağına itələdim ki, yesin, guya canım yanır ona» [2, səh. 34];
- ...боле мне ниче-о не надо;
Оригинал: «Нет, думаю, я сперва на ребят на своих погляжу, а уж после помру — боле мне ниче-о не надо» [1, с. 152].
Перевод: «Fikirləşdim ki, qoy əvvəlcə huşum başımdaykən balalarım gözümlə dolusunca baxım, onlarla halallaşım, sonra canımı allaha tapşırım. Mənə bunnan savaşı heçsə şey lazım döyül» [2, səh. 34];
- ...первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание;
Оригинал: «Она часто вспоминала поговорку стариков: первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание» [1, с. 155].
Перевод: «Tanıyıb-bildiyyə qocalardan — kənd ağsaqqallarındaneşitdiyi bir sözü heç unutmurdu, tez-tez xatırlayırdı. Həyatın min sınağından, ağır-yüngüldən çıxmış bu ixtiyarlar deyərdilər: «İlk oğul Allahındı, ikincisi çarındı. Üçüncüsü səninkidi — həyanın, köməkçindi» [2, səh. 37];
- прямо как по писанному чешешь;
Оригинал: «Прямо как по писанному чешешь» [1, с. 158].
Перевод: «İndi birkəgəmə düz bir kitablıq mətləb başladı» [2, səh. 40];
- и худой живот, а хлеб жует;
Оригинал: «— Глите-ка! Пошло, как в проваленную яму. Правду говорят: и худой живот, да хлеб жует» [1, с. 161].
Перевод: «— Bir baxın, a! Elə bil susuz çuxura su açdın, axıb əlli-ayaqlı itdi. Nahaqca deməyiblər ki, iştah düş altdadı» [2, səh. 44];
- только на язык попало, он потом, как худая бочка: сколько не лей, все мало;
Оригинал: «Нашему-то только на язык бы попало, он потом как худая бочка: сколь ни лей, все мало» [1, с. 169].
Перевод: «Yoxsa bizimkilərdən nə hasil? Dillərinə dəyməyə məhəttəldilər. Onnan sonra doymaq nədi bilmirlər. Qarınlarının dibi deşik tuluğa dönür, nə qədər tökürsən tök, heç bəs eləmir» [2, səh. 51];
- вперед смерти не помрешь;
Оригинал: «Вперед смерти не помрешь» [1, с. 169].
Перевод: «Di gəl ki, ölüm mənnən uzax qaçır, canımı alıb qurtarmır...» [2, səh. 52];
- вино не сильно накормит;
Оригинал: «Вино, подимте не сильно накормит» [1, с. 171].
Перевод: «Mən biləni, arax-çaxırdan qarın doymur» [2, səh. 53];
- день целиком вышел на люди;
Оригинал: «День уже целиком вышел на люди, пошел свободней, быстрее» [1, с. 181].
Перевод: «Bayırda hava artıq tam işiqləmişdi, hənilənmişdi» [2, səh. 65];
- и пить — помирать, и не пить — помирать, уж лучше пить да помирать;
Оригинал: «И пить — помирать, и не пить — помирать, уж лучше пить да помирать» [1, с. 186].
Перевод: «Və onu da bil ki, içsən də öləcəksən, içməyəndə. Axırı birdi, heç kim dünyanı tutub durmur. Yaxşısı budu ki, elə içib öləsən!» [2, səh. 70];
- пей перед ухой, за ухой и поминаючи уху;
Оригинал: «Как говорят, пей перед ухой, за ухой и поминаючи уху» [1, с. 190].
Перевод: «...yerində deyiblər ki: «İç, balıq başından hazırlanmış şorbadan əvvəl, o şorbani yeyəndən sonra və yediyyənin dadını damağında duya-duya» [2, səh. 190];
- как тот петух: прокукарекал, а там хоть не рассветай;
Оригинал: «Ты как тот петух: прокукарекал, а там хоть не рассветай» [1, с. 194].
Перевод: «Səndə o xoruz kimi bir şeysən. Banladı, işini bitirdi. Bundan sonra səhər açılınsın, açılmasın ona dəxli yoxdu» [2, səh. 78];
- выкатит слово не для ушей и не поперхнется;
Оригинал: «...выкатит слово не для ушей и не поперхнется» [1, с. 226].
Перевод: «Bir də gördün, elə matah bir söz dedi, ürəyini dəlib keçdi, qovşurula-qovşurula qaldın» [2, səh. 110];
- сорок дырок на одном месте просверлит и не заметит;
Оригинал: «...сорок дырок на одном месте просверлит и не заметит» [1, с. 226].
Перевод: «Yetdiyyə yətər, yetmədiyyə dəş atardı» [2, səh. 110];

– горло оне моют, а то оно, горло-то, заросло, хлебушко уж не лезет;

Оригинал: «Горло оне моют, а то оно, горло-то, заросло, хлебушко уж не лезет» [1, с. 234].

Перевод: «...boğazdarını yaxalayurlar. Çirk-pas tutub boğazdarını, çögək keçmiş» [2, səh. 117];

– дал Бог денежку, а черт дырочку, от и катится божья денежка в чертову дырочку;

Оригинал: «Дал Бог денежку, а черт дырочку, от и катится божья денежка в чертову дырочку» [1, с. 234].

Перевод: «Allah pul verib, şeytan da onnarın ciblərində deşik açıb. Allahın pulcığı azı o deşikdən şeytanın kisəsinə axıb dolur» [2, səh. 117].

Итак, в ходе анализа выяснилось, что переводчику удастся донести смысл высказываний до читателей, однако при этом утрачивается национальный колорит. В результате азербайджанская публика не знакомится с русской культурой, так как диалектизмы, использованные В. Распутиным, заменяются на слова, знакомые читателям перевода.

Заключение. Переводной текст не должен стирать тот колорит и национальную специфику, которые и делают это произведение наиболее ценным и уникальным и тем самым создают связь читателя с произведением именно той культуры, эпохи, к которым принадлежит оригинал. Если переводной текст содержит лакуны — элементы, отсутствующие в культуре читателя, несущие в себе смысл и обуславливающие связность этого текста, но в то же время не знакомые читателю переводного текста, то переводчик сам должен определить и выделить те из них, которые требуют уточнения, расшифровки, замены, примечаний или комментариев. Переводчик должен не только быть знакомым с действительностью и фактами чужой культуры, но и отразить их в переводе, в тексте произведения или в комментарии к нему. Иначе могут возникнуть при близительность перевода и неточность понимания.

Список цитируемых источников

1. *Распутин, В. Г.* Последний срок / В. Г. Распутин. — СПб., 1970.
2. *Rasputin, V.* Sonuncu möhlət. 1970 [Electronic resource] / V. Rasputin ; translated by V. Babanlı. — Bakı : Yazıcı, 1988. — Mode of access: <http://goychay.cls.az/front/files/libraries/995/documents/879614113.pdf>. — Date of access: 17.05.2020.
3. Кто есть кто в современной культуре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.biograph.ru/index.php/projects/politics>. — Дата доступа: 17.05.2020.
4. *Солженицын, А. И.* Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину / А. И. Солженицын // Новый мир. — 2000. — № 5. — С. 188—189.

УДК 821.161.1:82-1Маяковский

А. А. Дударенок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ РЭП-ПОЭЗИЯ

Введение. Важную роль в развитии литературы играют традиции. Взаимодействие писателей и литературных школ сказывается как на отдельных произведениях, так и на художественных жанрах, течениях и направлениях. Вопрос литературной эволюции, новаторства и преемственности литературных традиций — это вопрос смены старых форм новыми. А потому актуальность указанной проблемы в современном литературоведении не вызывает сомнений. Вопросы литературных влияний значимы с точки зрения изучения литературного опыта писателей, процессов освоения этого опыта последователями. Эти вопросы были исследованы в работах представителей культурно-исторического направления, формальной и социологической школы (А. Л. Бем, А. Н. Пыпин, Н. К. Пиксанов, П. Н. Сакулин, Ю. Н. Тынянов, В. В. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и др.).

Литературная жизнь начала XX века развивалась стремительно: на рубеже веков в русской поэзии появился новый неоднозначный стиль — модернизм, а в 10-х годах сформировался русский авангард. И если модернизм устремлялся к новому, не порывая с традицией, то авангард объявлял о разрыве с культурно-исторической преемственностью. На практике такой разрыв был неосуществим, но важна была сама установка на отказ от прошлого. Манифесты и мемуары участников движения подчеркивали радикальность футуристических установок и их связь с катастрофичностью и динамикой XX века. Преодолевая гармоничность и психологизм предшествующей литературы, футуристы намеренно «отстраняли» факты, лишали восприятие автоматизма: вводили новые темы, расшатывали синтаксис, меняли ритмику, смешивали лирику, эпос и драму.

Основная часть. Владимир Владимирович Маяковский — один из крупнейших поэтов XX века. Его ранние произведения написаны классическими размерами, например стихотворение «Нате». Позже он обратился к вольному хорею и дольнику, однако ведущую роль в его творчестве сыграл акцентный стих. Свободное